УДК 13(47)
ББК 87.3(2)522

Александр Александрович Ермичев
Русская христианская гуманитарная академия, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и религиоведения, Россия, Санкт-Петербург, e-mail: 7723516@gmail.com

Критические заметки к вопросу о «Московской метафизической школе»

Аннотация. Анализируется содержание понятия «Московская метафизическая школа», которое было предложено С.Л. Франком в 1932 году для обозначения институции начального продвижения русской мысли к ее существованию в форме научной метафизики. Главными методологическими путями такого движения С.Л. Франк назвал рационализм Л.М. Лопатина и трансценденталиэм С.Н. Трубецкого. Выделение подобной институции С.Л. Франком оценивается как один из эпизодов поиска общей закономерности развития русской мысли – ее движения к научно-систематической философии. Вновь к историко-философскому понятию Московская метафизическая школа обратился современный исследователь русской философии Г.Е. Аляев в книге «Русская философия вокруг С.Л. Франка. Избранные статьи» (2020 г.) Соглашаясь с ним, Г.Е. Аляев называет предполагаемых участников школы, исключив из их круга В.С. Соловьева как «религиозного мыслителя». Со ссылкой на материалы журнала «Вопросы философии и психологии» и на выступления Н.Я. Грота и В.С. Соловьева показывается что философская образованность русского общества, и в частности философов-профессионалов, была не так значительна, чтобы позволить рождению школы как наукометрической единицы. Имея в виду 80–90 годы XIX века, предпочтение отдается разговору не о школе, а о направлении философских симпатий русского общества к позитивизму или метафизике, в рамках которого происходил отбор тех методологических приемов, которые позволяли русской мысли продвинуться к научной метафизике. В числе тех, кто настойчиво искал начал теоретической философии, называется В.С. Соловьев с его последними статьями. Показано, что предложивший понятие Московской метафизической школы С.Л. Франк сам далеко не пунктуален в его применении.

Ключевые слова: метафизика, позитивизм, русская мысль, научно-систематическая философия, Московское Психологическое общество, Московская метафизическая школа, философия С.Л. Франка, спиритуалистика Л.М. Лопатина, философия всеединства В.С. Соловьев

Alexander Alexandrovich Ermichev
Russian Christian Academy for the Humanities, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Religious Studies, Russia, Saint Petersburg, e-mail: 7723516@gmail.com

Critical Remarks on the Question of a "Moscow School of Metaphysics"

Abstract. The article analyzes the concept of the "Moscow School of Metaphysics," an expression proposed by S.L. Frank in 1932 referring to the institutionalization of the initial advancement of Russian

© Ермичев А.А., 2021

thought in the form of a "scientific metaphysics." S.L. Frank held the rationalism of L.M. Lopatin and the transcendentalism of S.N. Trubetskoy to be the chief methodologies of this movement. S.L. Frank's institutional identification is judged to be one episode in the search for a general developmental pattern within Russian thought – a movement toward a scientific and systematic philosophy. In his book *Russian Philosophy around S.L. Frank. Selected articles* (2020) the contemporary investigator of Russian philosophy, G.E. Alyaev turned his attention to the "Moscow School of Metaphysics" as a historical and philosophical concept. Agreeing with Frank, G.E. Alyaev names the alleged participants in the school, excluding V.S. Solovyov considering him a "religious thinker." Referring to the material in the journal *Problems of Philosophy and Psycholo*gy and to the speeches of N.Ya. Grot and V.S. Solovyov, the author shows that the philosophical education of Russian society, and in particular of professional philosophers, was not at a level that allowed for the emergence of the school as a scientometric unit. With the final two decades of the nineteenth century in mind, the author prefers to speak not about the school, but about the direction of the philosophical sympathies of Russian educated society toward either positivism or metaphysics. Within the bounds of the latter, there took place a selection of methodological techniques that allowed Russian thought to move toward a scientific metaphysics. The author mentions V.S. Solovyov, with his final articles, as among those who persistently sought the principles of theoretical philosophy. The author also shows that S.L. Frank, who proposed the concept of the "Moscow Metaphysical School," is far from precise in its application

Key words: metaphysics, positivism, Russian thought, scientific and systematic philosophy, Moscow Psychological Society, Moscow Metaphysical School, the philosopher S.L. Frank, the spiritualist L.M. Lopatin, V.S. Solovyov's philosophy of total-unity

DOI: 10.17588/2076-9210.2021.2.037-046

С.Л. Франк – один из лучших аналитиков природы философии, русского мировоззрения и выдающийся участник религиозно-философского возрождения конца XIX – первых двух десятилетий XX века. Ожидалось, что в перспективе русская философия, возможно, станет соравной с античностью и немецкой классикой.

В 1932 году в сборнике, изданном в честь 60-летия Н.О. Лосского, С.Л. Франк поместил статью «Русская философия, ее характерная особенность и задача». Сборник был дополнительным томом к журналу Б.В. Яковенко *Der Russische Gedanke*, а статья С.Л. Франка была написана по-немецки и, скорее всего, для европейского читателя. В ней С.Л. Франк первым сказал о существовании Московской метафизической школы 80–90-х годов XIX столетия и назвал ее «замечательной предшественницей нового образа русской мысли», который заключается в попытке посредством анализа и критики рационального познания обосновать метафизическую реальность и даже описать ее. Автор предлагаемой заметки включил эту статью в сборник С.Л. Франка «Русское мировоззрение» (СПб.: Наука, 1996), а в примечаниях к ней пояснил, что «пока этот термин не привился в нашей отечественной историко-философской науке»[1].

В 2019 г. в издательстве М. Колерова вышла книга профессора Г.Е. Аляева «Русская философия вокруг С.Л. Франка». Профессор, будучи последова-

[1] См.: Франк С.Л. Русское мировоззрение. СПб.: Наука, 1996. С. 668 [1].

телем С.Л. Франка, характеризуя движение русской мысли от «эмоционально-проповеднической формы» к «научно-систематической», в самой полной мере использует предложенный термин и присоединяется к мыслителю в оценке высокого значения ММШ[2]. Доводя идею С.Л. Франка до крайности, профессор говорит, что если русскую «научно-систематическую философию» еще предстоит вырабатывать, то в форме «эмоционально-проповеднической» она уже состоялась»[3]. Извиним автору этот рискованный тезис. Пока отметим, что не только С.Л. Франк, но и другие наши историографы признавали постепенное возвышение русской мысли к теории, то есть ее превращение в собственно философию. Иное дело, что Б.В. Яковенко связывает такое возвышение с именами П.Д. Юркевича, В. Кудрявцева-Платонова, В.С. Соловьева, Л.М. Лопатина и С.Н. Трубецкого, то есть в целом со второй половиной XIX века, и так же поступает В.В. Зеньковский, оговариваясь, что Россия «была давно на «пороге систем»[4]. В книге Г.Е. Аляева нет контекста того явления, которое обозначено С.Л. Франком как Московская метафизическая школа. Но в ней дана сводка высказываний С.Л. Франка об этом феномене (в подстрочных примечаниях)[5].

В докладе 1925 года, прочитанном в Берлинском отделении Кантовского общества, С.Л. Франк говорил о 80–90-х годах XIX века как о времени рождения мощного духовного течения, которое, как утверждал докладчик, живет и поныне и образует национальное религиозно-философское направление. Родилось же оно «под воздействием Соловьева или в непосредственном соприкосновении с ним»[6]. Тогда же, продолжал С.Л. Франк, – в Московском университете среди друзей Соловьева – Л.М. Лопатина, С.Н. и Е.Н. Трубецких – «зреет намерение создать фундаментальную школу русской философии, основной задачей которой стало бы преодоление позитивизма и создание научной метафизики»[7].

В статье 1930 г. «Памяти Л.М. Лопатина» Московская метафизическая школа не упоминается, но автор называет «блестящий круг московских философов (достаточно здесь напомнить имена Владимира Соловьева и братьев Трубецких), в трудах которых впервые возникло то, что можно в узком и более точном смысле назвать русской философией»[8]. С публикацией 1932 г. в сборнике, посвященном Н.О. Лосскому, где С.Л. Франк впервые употребил это понятие, читатель уже знаком. Это позволяет нам пойти далее.

---

[2] ММШ – Московская метафизическая школа.
[3] См.: Аляев Г.Е. Русская философия вокруг С.Л. Франка. Избранные статьи. М.: Модест Колеров, 2020. С. 434 [2].
[4] См.: Зеньковский В.В. История русской философии. Т. 2. Paris: YMCA-Press, 1989. С. 11 [3].
[5] См.: Аляев Г.Е. Русская философия вокруг С.Л. Франка. Избранные статьи. С. 437.
[6] Позднее к имени В.С. Соловьева будут добавлены имена Л.Н. Толстого и Н.Ф. Федорова. «Эти три мыслителя могут, таким образом, быть признаны значительными предшественниками русской религиозной мысли 20-го века» [5, с. 12].
[7] См.: Франк С.Л. Русское мировоззрение. С. 193.
[8] Там же. С. 422.

В книге о П.Б. Струве, к которой С.Л. Франк приступил вскоре после его кончины в 1944 г., ММШ снова упоминается, но уже под именем «национально-русской метафизической школы Лопатина и Сергея Трубецкого». При этом С.Л. Франк называет своего друга первым, кто «проломил брешь в замкнутости философского кругозора русской интеллигенции» и провозгласил права метафизической мысли «для более широких кругов русской интеллигенции»[9]. В то самое время, когда Струве «проламывал брешь», упомянутая национально-русская школа, по словам Франка, «стояла особняком и не пользовалась влиянием»[10]. Наконец, во «Введении» к антологии 1947 г., изданной на русском языке под названием «Из истории русской философской мысли конца XIX и начала XX века» (Нью-Йорк, 1964 г.) С.Л. Франк снова возвращается к философам из Московского университета: «В 90-х гг. 19 века философы Московского университета Лопатин, С. Трубецкой и Н. Грот проповедуют права метафизики и основанием философского журнала и общества возрождают интерес к исконным традициям философской мысли» [5, с. 11]. Снова появляется «Московская метафизическая школа» (термин выделен кавычками), которая, – автор подчеркивает еще раз, «сыграла значительную роль в духовном развитии страны»[11].

* * *

Что же происходило в русской философской жизни 80–90-х годов XIX века, что позволило С.Л. Франку выделить в ней Московскую метафизическую школу, с которой начался новый, собственно-философский период русской мысли? А произошел ряд больших и малых событий, породивших своим совокупным действием такое явление. Все эти события состоялись в Москве (наверное, и топография имеет какое-то значение). Но в нашем рассказе при упоминании о Москве – сразу же возникает имя главного фигуранта философской жизни Москвы 80–90х годов Н.Я. Грота, которое С.Л. Франк один раз упомянул в своем обзоре. Между тем только с его переезда в Москву летом 1886 г. можно начинать историю того феномена, который С.Л. Франк называет «Московской метафизической школой».

---

[9] Читая С.Л. Франка, можно понять, что такой приоритет он связывает с появлением в 1894 году юношеской книги П.Б. Струве «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России». Но, скорее всего, С.Л. Франк имел в виду его «Предисловие» к книге Н.А. Бердяева «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии». Критический этюд о Н.К. Михайловском», (предисловие помечено сентябрем-октябрем 1900 г.) и статью «К характеристике нашего философского развития» в сборнике «Проблемы идеализма» (1902 г.). Здесь П.Б. Струве приглашает к освоению наследия русских метафизиков последней трети XIX века. Внимание к общественно активным либералам, вооруженным метафизикой, вероятно, отвлекло читателя от «национально-русской» метафизики университетских профессоров.

[10] См.: Франк С.Л. Воспоминания о П.Б. Струве // Франк С.Л. Непрочитанное… Статьи, письма, воспоминания. М.: Московская школа политических исследований, 2001. С. 576.

[11] См.: Франк С.Л. Из истории философской мысли конца XIX и начала XX века. Антология. Посмертная редакция В.С. Франка. Нью-Йорк, 1964. С. 6.

Четвертого ноября 1886 г. «Русские ведомости» оповещали читателей о слухах в московской профессуре: «Мы слышали, что в Москве имеется в виду основать новый периодический орган, посвященный вопросам философии и психологии…» [6, с. 2]. Вскоре появилось развернутое подтверждение таких слухов. Но вот что удивительно. Делал это не кто-то из московских профессоров-старожилов, а новичок в их среде, проф. Н.Я. Грот, приехавший из провинциальной Одессы и с осени только приступивший к занятиям в Московском университете. Он подтвердил, что разговоры такие были и мысль о таком журнале имеется. Преподаватели философии в Москве осознали потребность в собственном, национальном по форме и человечном по духу философском мироведении. Журнал будет открыт для всех мнений: «Пусть каждый, кто умеет говорить и хорошо говорит, скажет свое слово»[12]. Но удастся ли осуществление этого замысла и когда именно, вздыхал автор, сказать еще трудно.

По этому случаю В.С. Соловьев написал своему другу Д.Н. Цертелеву: «Вернувшись из-за границы я нашел в Москве целую философскую плантацию, главный экземпляр коей, Грот, явился ко мне знакомиться и из беседы с ним я усмотрел между прочим: а) что он обращается на путь истинный, т.е. от отрицательного эмпиризма к положительному спиритуализму; б) что он пламенеет желанием основать философский журнал» [8, с. 255]. Предполагалось, сообщал далее Соловьев, такое распределение отделов в журнале: в частности, Н.Я. Грот брал на себя логику и психологию, Л.М. Лопатин – историю новой философии и метафизику, а Соловьев – философию религии.

Между тем популярность Н.Я. Грота в среде московских интеллектуалов все возрастала. В октябре следующего 1887 г. Н.Я. Грот начинает вести заседания Общества, а в феврале 1888 г. становится его Председателем.

С этих лет Общество, начавшее свою новую жизнь, превращается в место, где собирались, по выражению Е.Н. Трубецкого, «московские философы различных метафизических направлений»[13], переняв эту задачу у лопатинского кружка. Наконец, в ноябре следующего года, появляется первый номер руководимого Н.Я. Гротом журнала «Вопросы философии и психологии». До 1918 г., когда его издание было прервано революцией, на его страницах выступили три поколения русских философов, начиная со старших (например, В.С. Соловьев, А.А. Козлов, В.В. Лесевич, Л.Н. Толстой, потом философов, пришедших в журнал с начала нового века (С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, Н.О. Лосский, П.И. Новгородцев), и, наконец, младших (Б.В. Вышеславцев, И.А. Ильин, С.И. Гессен, В.Ф. Эрн и др.). Общество и редакция журнала вели большую работу общекультурного значения – переводы классиков мировой философии, обсужде-

[12] См.: Грот Н.Я. К вопросу о философском журнале // Русские ведомости. 1886. 16 ноября, № 315. С. 3 [7].

[13] См.: Трубецкой Е.Н. Из прошлого. Воспоминания. Из путевых заметок беженца. Томск: Водолей, 2000. С. 216 [9].

ние современных проблем философии и психологии, полемика с оппонентами из мира культуры и политики.

В начале XX века, когда в России возникала партийно-политическая система, то ее разные лидеры и идеологи, разрабатывая программы и обосновывая свои общественные идеалы, обращаются к опыту русской мысли. Социал-демократы, большевики, эсеры осваивали наследие Белинского, Чернышевского и Лаврова. Напротив, метафизика и идеализм были востребованы либералами. Так в полноте своей русская философия обретала статус социально-культурного фактора, и это было одним из результатов деятельности Московского Психологического общества и журнала Грота–Лопатина. Необходимая основательность ему была придана другим обстоятельством – и тоже продуктом работы Московского Психологического общества и журнала Грота. 11 декабря 1911 г. Общество праздновало 30-летие научной и педагогической деятельности Л.М. Лопатина. Организаторов празднования смутило и порадовало огромное многолюдство пришедших на праздник – профессоров и студентов, литераторов и журналистов, чиновников и военных. Легко догадаться, что оно было всего лишь следствием большой просветительской и воспитательной работы Общества и журнала и философского взросления русских; москвичи, наконец, оценили достоинства отвлеченной теоретической философии и, значит, сами приобрели нужное философское знание.

Однако во время, когда Н.Я. Грот покидает меркантильную Одессу и перебирается в Москву, состояние русской философии было совсем незавидным. Н.Я. Грот и его товарищи, осознавая это, ставили перед новым журналом двуединую задачу: дальнюю – создание национальной философии, и ближнюю – философское образование всего общества, а в обществе – не только тех, кто по-своему, на свой риск и страх ищет «источники добра и разумения жизни», но особенно еще и тех, кто ищет этот источник профессионально, будучи философом-специалистом. Нравственно-воспитательная программа, обращенная ко всем и каждому, – вот о чем неоднократно толковал Н.Я. Грот – и в 1886 г., разъясняя слухи о новом журнале, и в первом номере его в 1889 г. и не раз позднее.

В статье 1886 г. «К вопросу о философском журнале» он пишет: «Всего печальней то, что у нас еще недостает и знаний в этой области. Наша философская литература и самостоятельная, и переводная бедна» [7, с. 3]. В первом номере журнала он сетует: «У нас нет еще своего философского языка: не только философские термины иностранные, но и общее построение философской речи у русских писателей иногда нерусское» [10, с. XII]. Здесь же, в заметке о журналах духовных академий, он признает, что публикуемые в них философские работы – это лучшее «по качеству, то есть по ученой эрудиции» в нашей литературе. Несколько позжднее, в 1890 г., в полемике с публицистом «Московских ведомостей» Ю. Николаевым – а он упрямо требовал отказаться от «уличных философов», то есть авторов либерального и позитивистского толка, – Н.Я. Грот с трудом отстаивал право на равное отношение ко всем, кто способен «оригинально

мыслить и строго логически проводить свои убеждения»[14]. Потому, отвечая Ю. Николаеву, он крайне резко характеризовал бедственное состояние философской образованности в стране: «Совершенного знания философии – ее истории и задач, у нас, в России, еще вовсе и не было; самые ученые русские философы, конечно, по учености своей не могут сравниться ни с Целлером, ни с Вундтом, ни с Бэном и даже Спенсером. У нас еще и не было настоящей философской школы, и все мы, русские философы, по части учености «самоучки», не исключая и профессоров философии, которые учились философии по книгам, а не у учителей, ибо настоящих учителей философии у нас не было до сих пор…» И далее: «… Лиц, имеющих у нас ученые философские степени – какой-нибудь десяток с небольшим, а докторов философии наберется шесть-семь, да и из них постоянно пишущих в области своего предмета только три-четыре…» [12, с. 3].

Его поддержал В.С. Соловьев – быть может вспомнив о «Философском трехмесячнике» А.А. Козлова, он говорил, что «коллективное философское издание в строго определенном и исключительном направлении там, где философское образование находится еще на стадии туманных пятен и где каждый мыслитель есть единственный последователь своего направления и единственный представитель своей школы», совершенно невозможно[15]. И несколько позднее, поддержав Н.Я. Грота в его полемике с публицистом «Московских ведомостей» Ю. Николаевым (а последний требовал изгнания из журнала либералов и позитивистов), В.С. Соловьев убеждал: «В России во всяком случае, мы нуждаемся не в искусственной поддержке разных, потерявших кредит «измов», и не в предумышленном создании новых, заранее обреченных на ту же участь, а единственно только в распространении философского образования и в развитии разумных и сознательных взглядов на вещи…» [13, с. 2]. Руководимый Н.Я. Гротом журнал, пояснял Соловьев, «действительно философский, т.е. по-философски относящийся к существенным вопросам жизни и знания и уже по этому самому свободный от исключительной принадлежности к какой-либо отдельной школе, каковых, впрочем, в России и не существует» [13, с. 2]. В таких условиях разыскать Московскую метафизическую школу, то есть какую-то философскую институцию (близкую к наукометрической единице), было, пожалуй, неосмотрительно. В конце концов даже «соловьевство» как школа у нас не состоялось, хотя «соловьевцев» было очень много.

В России в то время «измы», разумеется, были, но не как школы или направления с прорисованными парадигмами, а в форме течений общественного сознания. Одно из них – научно-позитивное, связанное с кругами либерального народничества и его журналами «Русское богатство» и «Русская мысль».

---

[14] См.: Грот Н.Я. Еще о задачах журнала // Вопросы философии и психологии. 1891. Кн. 2 (6). С. II [11].

[15] См.: Соловьев В.С. Письмо к редактору. О заслуге В.В. Лесевича для философского образования в России // Вопросы философии и психологии. 1890. Кн. 5. С. 117–123 [13].

Громкая слава и популярность его уже в прошлом, но оно еще не отпускает интеллигенцию, верующую в науку и прогресс.

Другое течение – метафизическое, будто бы молодое, связанное с «лопатинским» кружком, гротовским Обществом и журналом. Оно возникло как выражение скепсиса в отношении всеобщих притязаний науки, которые не могли быть гарантированы ее логическим механизмом. Хотелось осмысленного бытия, и, тесня позитивистов в «Вопросах философии и психологии», метафизики заговорили в полный голос.

В ответ на недоумение и возмущение, с какими «Русское богатство» и «Русская мысль» встретили своего собрата, Н.Я. Грот во втором номере «Вопросов» стал оправдываться. Если на страницах журнала преобладают метафизики, пояснял редактор, то только потому, что именно такие философские воззрения, интересы и симпатии преобладают среди сотрудников журнала: «Мы не подбираем тенденциозного материала с целью группировки его под известным, предвзятым углом зрения…» [11, с. II]. Метафизический поворот русского сознания сопровождался апробацией различных форм и способов его гносеологического оправдания. Среди них нашлось место для научных форм, образовавших начальную ступень «научно-систематической философии», которую С.Л. Франк выделил под названием Московская метафизическая школа. Не только Чернышевский и Писарев хвалились наукой, но и она, поддержанная успехами образования и естествознания в пореформенной России, говорила сама за себя и продолжала влиять на философию. Начавшаяся практика командировок в европейские университеты для подготовки философских диссертаций, приобщения к опыту европейской философии, перешедшей к неокантианству, внутренние подвижки в отечественном позитивизме[16] – все готовило почву для «научно-систематической» ММШ. Ее пионеры выбирали непривычные средства, чтобы добраться до «источника добра и разумения истины» – рациональности (Л.М. Лопатин), трансцендентализма (С.Н. Трубецкой), странной смеси этицизма и позитивизма (Н.Я. Грот). Более точный и полный рисунок методологических поисков «метафизического братства», собирающегося в Психологическом обществе и редакции журнала, дает В.Н. Ильин: «Выделение то рационализма, то мистицизма (т.е. онтологического реализма, то спиритуа-

[16] В этом случае можно ссылаться на письмо В.С. Соловьева к редактору «Вопросов философии и психологии» «О заслугах В.В. Лесевича для философского образования в России» (см. «Вопросы философии и психологии». 1890, Кн. 5. С. 117–123). В.В. Лесевич, ощутив тупиковость позитивистского феноменализма обращается за помощью к Канту. Вот заслуга – налицо движение к гносеологии, которой не было ни у Конта, ни у Милля, ни у их последователей. Далее В.С. Соловьев говорит, что гносеология – это все-таки не пристань философского мышления, а, скорее, лишь обозначение его фарватера. «…» Сам Кант видел в критицизме лишь подготовительную работу для будущей, научной (не догматической) метафизики [113, с. 121]. Кант, полагает Соловьев, не признал бы ни Гегеля, ни Шопенгауэра… «Но этим еще не предрешается вопрос об иной более твердой и обоснованной метафизике» (Там же). Зачем же С.Л. Франк и Е.Г. Аляев исключают В.С. Соловьева из ММШ? А его статьи о «Теоретической философии»?

лизма в различных комбинациях и составляет всю гамму нюансов этого направления» [15, с. 492]. К этому он добавляет черты «сократо-платоновой диалектики». В этой тонкой нюансировке С.Л. Франк, всегда признававший ratio конститутивным признаком философии и искавший точек его касания «непостижимого», искусно выделяет найденную им школу как свою предшественницу. Следом то же делает Е.Г. Аляев.

Разумеется, право исследователя на абстрагирование является законом научного поиска. Но сам термин «Московская метафизическая школа» нужно давать в кавычках, как это однажды сделал С.Л. Франк.

Впрочем, следует сделать оговорку. Едва ли Франк пунктуально придерживался имени Московская метафизическая школа, если находил для зачинателей «научно-систематического» мышления разные названия. Помимо того, он вообще затруднялся провести четкую границу между религиозной мыслью и философией, в чем и признавался в рецензии на «Историю русской философии» В.В. Зеньковского (она в полном своем содержании воспроизведена в книге Г.Е. Аляева). В 1930 г. в маленькой заметке «Юбилей двух русских философов» («Руль». № 3058. 16 декабря 1930 г. С. 3) он твердо заявляет, что русская систематическая философия приняла «осязательные формы в творчестве В. Соловьева и Л. Лопатина». Эти два имени он ставит рядом.

Список литературы

1. Франк С.Л. Русское мировоззрение. СПб.: Наука, 1996. 738 с.

2. Аляев Г.Е. Русская философия вокруг С.Л. Франка. Избранные статьи. М.: Модест Колеров, 2020. 736 с.

3. Зеньковский В.В. История русской философии. Т. 2. Paris: YMCA-Press, 1989. 477 с.

4. Франк С.Л. Воспоминания о П.Б. Струве // Франк С.Л. Непрочитанное… Статьи, письма, воспоминания. М.: Московская школа политических исследований, 2001. С. 394–582.

5. Франк С.Л. Из истории философской мысли конца XIX и начала XX века. Антология. Посмертная редакция В.С. Франка. Нью-Йорк, 1964. 286 с.

6. Московские вести // Русские ведомости. 1886. 4 ноября, № 303. С. 2.

7. Грот Н.Я. К вопросу о философском журнале // Русские ведомости. 1886. 16 ноября, № 315. С. 3.

8. Письмо к князю Д.Н. Цертелеву [Письмо 31] // Письма Владимира Сергеевича Соловьева. Т. 2 // под ред. Э.Л. Радлова. СПб.: Общественная польза, 1909. 352 с.

9. Трубецкой Е.Н. Из прошлого. Воспоминания. Из путевых заметок беженца. Томск: Водолей, 2000. 352 с.

10. Грот Н.Я. О задачах журнала // Вопросы философии и психологии. 1889. Кн. I. С. V– XX.

11. Грот Н.Я. Еще о задачах журнала // Вопросы философии и психологии. 1891. Кн. 2(6). С. I–IV.

12. Грот Н.Я. Письмо к издателю // Московские ведомости. 1890. 18 декабря, № 349. С. 3–4.

13. Соловьев В.С. Письмо к редактору. О заслуге В.В. Лесевича для философского образования в России // Вопросы философии и психологии. 1890. Кн. 5. С. 117–123.

14. Соловьев В.С. Русская философская литература // Новости и биржевая газета. 1891. 12 июня, № 160. С. 2.

15. Ильин В.Н. Русская философия. М.: Летний сад. Дом русского зарубежья, 2020. 778 с.

References

(Sources)

Collected Works

1. Pis'mo k knyazyu D.N. Tsertelevu [Pis'mo 31] [Letter to Prince D.N. Tsertelev], in *Pis'ma Vladimira Sergeevicha Solov'eva. T. 2* [Letters of Vladimir Sergeevich Solovyov]. Saint-Petersburg: Obshchestvennaya pol'za, 1909. 352 p.

Individual Works

2. Frank, S.L. *Russkoe mirovozzrenie* [Russian worldview]. Saint-Petersburg: Nauka, 1996. 738 p.
3. Frank, S.L. *Iz istorii filosofskoy mysli kontsa XIX i nachala XX veka. Antologiya. Posmertnaya redaktsiya V.S. Franka* [From the history of Philosophical Thought of the late XIX and early XX centuries. Anthology. Posthumous edition by V.S. Frank]. New-York, 1964. 286 p.
4. Frank, S.L. Vospominaniya o P.B. Struve [Memoirs of P. B. Struve], in Frank, S.L. *Neprochitannoe… Stat'i, pis'ma, vospominaniya* [Unread… Articles, letters, memoirs]. Moscow: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy, 2001, pp. 394–582.
5. Grot, N.Ya. K voprosu o filosofskom zhurnale [On the question of the philosophical journal], in *Russkie vedomosti*, 1886, 16 November, no. 315, p. 3.
6. Grot, N.Ya. O zadachakh zhurnala [On the journal tasks], in *Voprosy filosofii i psikhologii*, 1889, book I, pp. V– XX.
7. Grot, N.Ya. Eshche o zadachakh zhurnala [More on the tasks of the journal], in *Voprosy filosofii i psikhologii*, 1891, book 2(6), pp. I–IV.
8. Grot, N.Ya. Pis'mo k izdatelyu [Letter to the publisher], in *Moskovskie vedomosti*, 1890, 18 December, no. 349, pp. 3–4.
9. Il'in, V.N. *Russkaya filosofiya* [Russian Philosophy]. Moscow: Letniy sad. Dom russkogo zarubezh'ya, 2020. 778 p.
10. Moskovskie vesti [Moscow news], in *Russkie vedomosti*, 1886, 4 November, no. 303, p. 2.
11. Solov'ev, V.S. Pis'mo k redaktoru. O zasluge V.V. Lesevicha dlya filosofskogo obrazovaniya v Rossii [Letter to the editor. About the contribution of V.V. Lesevich to philosophical education in Russia], in *Voprosy filosofii i psikhologii*, 1890, book 5, pp. 117–123.
12. Solov'ev, V.S. Russkaya filosofskaya literatura [Russain Philosophical Literature], in *Novosti i birzhevaya gazeta*, 1891, 12 July, no. 160, p. 2.
13. Trubetskoy, E.N. *Iz proshlogo. Vospominaniya. Iz putevykh zametok bezhentsa* [From the past. Memories. From the refugee's travel notes]. Tomsk: Vodoley, 2000. 352 p.
14. Zen'kovskiy, V.V. *Istoriya russkoy filosofii. T. 2* [History of Russian Philosophy]. Paris: YMCA-Press, 1989. 477 p.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

15. Alyaev, G.E. *Russkaya filosofiya vokrug S.L. Franka. Izbrannye stat'i* [Russian philosophy around S.L. Frank]. Moscow: Modest Kolerov, 2020. 736 p.